Когда же настроенье их бывает подпорчено непогодой, я исполняю роль покорного сантехнического оборудования известного назначения.

В такие моменты лучше вообще позабыть о всяческой гордости, иначе можно запросто возненавидеть самого себя, зажатого между ног облегчающих кишечник Хозяек. Тогда можно начать делать глупости. Вырываться, брыкаться и отказываться глотать. А это чревато. И моя опухшая от ударов мошонка лучшее тому напоминание. До сих пор это удерживало меня от подобных неразумных вывертов. Потому я, наверное, и стою сейчас на коленях, а не лежу, замотанный наглухо в какой-нибудь пакет, в темном тесном ящике, валяясь в собственных и господских испражнениях. Чтобы исключить возможность бунта даже в моих мыслях и вытравить оттуда последнюю искру тайного неповиновения, Мои Правительницы заставляют меня вести регулярные дневниковые записи, где я должен во всех подробностях описывать унижения, которым они меня подвергают. Но самое главное я должен живописно изображать свои ощущения от них и как мне всё это нравиться. Будто бы я и дня теперь не смогу прожить без их издевательств, да к тому же я еще и благодарить их должен за то, что делают из меня того, кем и должен быть, по их мнению, жалкий, ничтожный самец. Всё это делается для того, чтобы заставить меня поверить в то, что я пишу.

В конце дня, мама может открыть дневник и начать вслух зачитывать какая я маленькая развратная девочка. Как я исхожу соками от ожидания порки, как дырочка моей задницы горит от предвкушения того, что её отымеют огромным членом. Как неимоверно я хочу кончить и это желание, затмевая все остальные заставляет меня быть беспрекословной служанкой, тщательно исполняющей самые мерзкие прихоти своих Хозяек, лишь бы ей разрешили исторгнуть свою вонючую сперму. Я называю себя тварью, шлюхой, грязной похотливой сучкой. И с каждым разом понимаю, что их коварный план действует. Они словно программируют меня тем, что заставляют самостоятельно накручивать на себя эти унизительные эпитеты. Хотя и я мечтаю втайне от них избавиться от гнета, это желание возникает теперь всё реже и реже. Да и то, лишь в те краткие моменты «просветления», когда дикое напряжение уходит вместе с потоком спермы, и я обессилено лежу на полу, осыпаемый гнусными оскорблениями смотрящих на меня сверху Властительниц. Тогда страсть ненадолго отступает, она больше не затуманивает мой разум дымкой чудовищного напряжения от невозможности кончить когда хочется,...

и я вижу всю отвратность своего положения. Вижу, как лежу, обоссаный, вымазанный в дерьме, и стоящая на моём извивающемся в сладострастных судорогах теле Эрика-победительница хохочет от того, как я в беспамятстве от извращенного удовольствия, воспаленного длительным воздержанием, ловлю губами остатки её мочи, золотыми капельками падающие вниз с её великолепной писечки. Вижу, как глотаю кусочки маминого дерьма, которые получаю вместо завтрака.

Я давлюсь, но жую и глотаю, сдерживая рвоту. Лишь когда напор долго сдерживаемой спермы схлынет и омоет измученный чудовищным напряжением разум, возвращая способность мыслить трезво, лишь тогда я могу, хотя бы с микроскопической долей самокритики, осознать в кого же превратился. И я, бывало, плакал, чуть не рыдал, глотая собственную сперму из чашечки Эрикиной туфельки, от омерзения, от понимания, что все мои любования собой, своей непохожестью были попросту маской, чтобы скрыть неизмеримое убожество мерзкого маленького извращенца. Я ценил эти минуты гораздо больше, чем мгновенья оргазма. Они не давали мне забыть окончательно как низко я пал и давали надежду, что когда-нибудь я

вырвусь из-под каблуков моих коварных Мучительниц. Эрика с умилением смотрела на мои слёзы, ей казалось, что это слёзы радости. Она гладила меня по голове, промакивала пот со лба своим шёлковым платочком (который правда я должен был потом «постирать» во рту) и нежно убаюкивала, говоря, как повезло мне оказаться в столь заботливых руках, позволяющим моим собственным шаловливым ручонкам иногда проиграться со своим маленьким пипи. К несчастью даже этой искры разума не хватало, чтобы зажечь пламя. Её не хватило бы на то, чтобы осветить даже края той бездны, в которую я так стремительнее и неотвратимо падал.

И вот в эти моменты мне и становиться по — настоящему страшно. Всё труднее найти в себе отвращение к тому, что мне приходиться делать, и всё большее удовольствие я получаю от осознания собственного убожества, от ощущения безграничной власти, в которую я спеленат по рукам и ногам, будто младенец. И столь же беспомощный что — либо изменить. Да и желающий ли менять? Этот вопрос меня волнует теперь гораздо больше. Мои желания всё сильнее растворялись в океане воли моих Всесильных Повелительниц. Я думал сбежать из дома, но куда я пойду? У меня нет друзей, готовых меня приютить. Однажды у меня была шальная мысль заявиться в полицию и всё им выложить, но я бы сгорел от стыда, рассказывая, через что прошел. Мама сделала меня полностью зависимым от себя, так что теперь я и шага не смог бы ступить без её распоряжений. Да к тому же, что бы я делал, когда всё стало известно? Сбежались бы репортеры, вся грязь всплыла бы на поверхность, и наша образцовая семья была бы очернена на веки. Как бы я после этого жил? Зная, что за моей спиной люди будут шептаться: «смотри вот бедный мальчик, его мама с сестрой заставляли есть дерьмо». Контроль оргазма превращает меня из человека разумного в грязное, похотливое животное, готовое на всё, лишь бы ему позволили кончить поскорее. Причём гнусность наказания прямо пропорциональна сокращению времени, до того момента когда тугие оковы спадут с моего вопящего от жажды члена и мне будет дарована возможность испустить вязкую липкую струю, уносящую болезненное сумасшествие невольного воздержания прочь и оставляющую меня в блаженной опустошённости, лежащим совершенно бесчувственным под ударами злобных Хозяек. Стало быть, в моих интересах быть как можно грязнее и развратней и засунуть свою брезгливость глубоко в задницу, если не хочу лишиться остатков разума от кипящей в черепе спермы.

http://tl.rulate.ru/book/890/20307